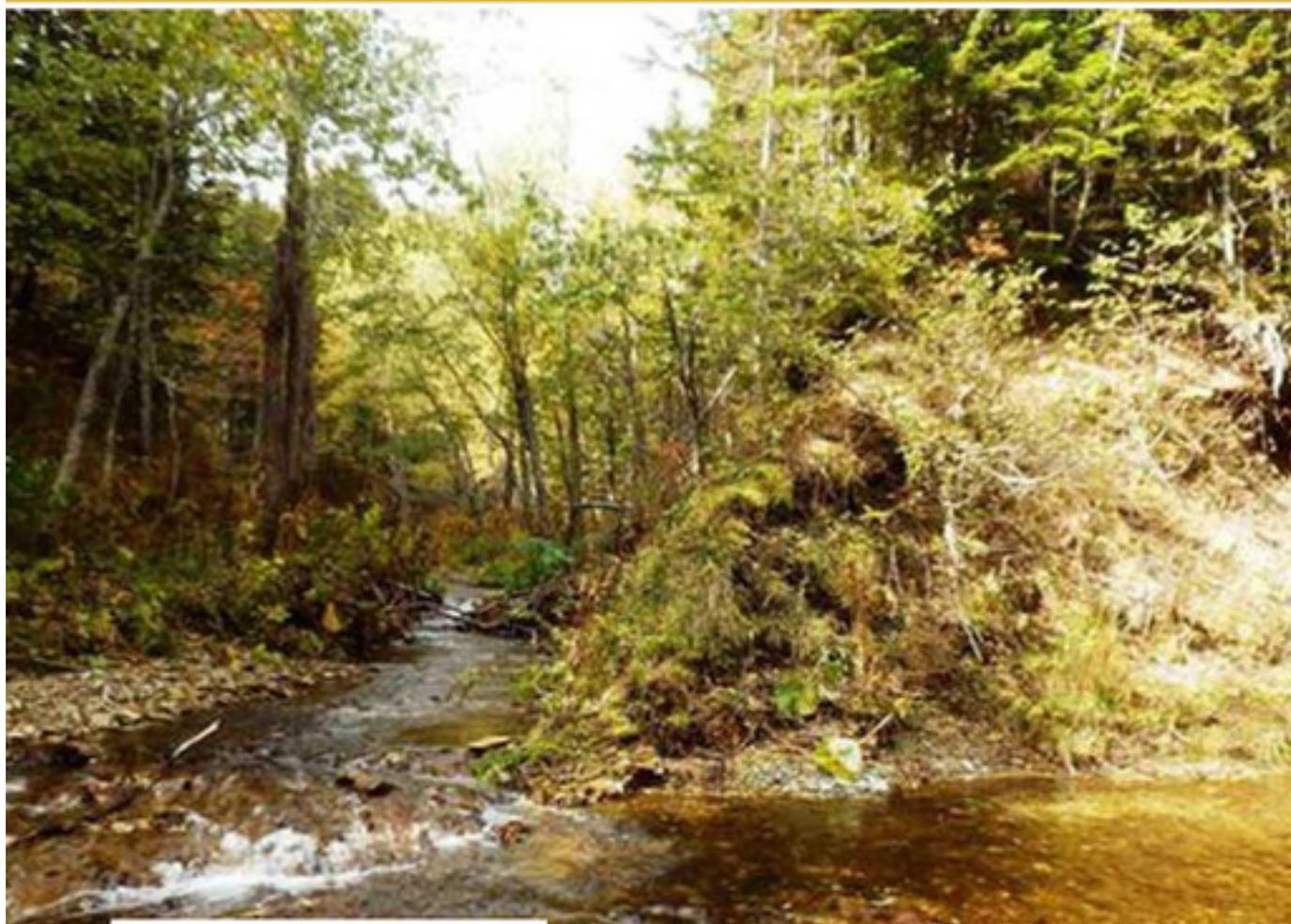

Валерий Маслов

Записки сахалинского
ТАЁЖНИКА

Фоторассказы 2013

Валерий Маслов
Записки сахалинского
таёжника. Фоторассказы 2013

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7604056

Аннотация

«Записки сахалинского таежника. Фоторассказы 2013» – книга самобытного писателя родом из Сахалина Валерия Маслова. Это книга-путешествие, которая глазами опытного таежника и тонкого ценителя природы показывает читателю манящие виды, полные величия и опасностей. Суровая, но прекрасная и щедрая природа острова Сахалин притягивает как искателей приключений и ценителей его красот, так и браконьеров, охотников – всевозможных любителей наживы. Их не способны испугать даже все поджидающие там смертельные опасности: медведи, непредсказуемая стихия и голод.

Главная прелесть этой книги – талантливые авторские фотографии незабываемой природы Сахалина, которые подарят читателю ощущение присутствия и непременно побудят к путешествию в этот загадочный и суровый край.

Мотивы книги «Записки сахалинского таежника. Фоторассказы 2013» во многом созвучны мотивам легендарной книги Владимира Арсеньева «Дерсу Узала».

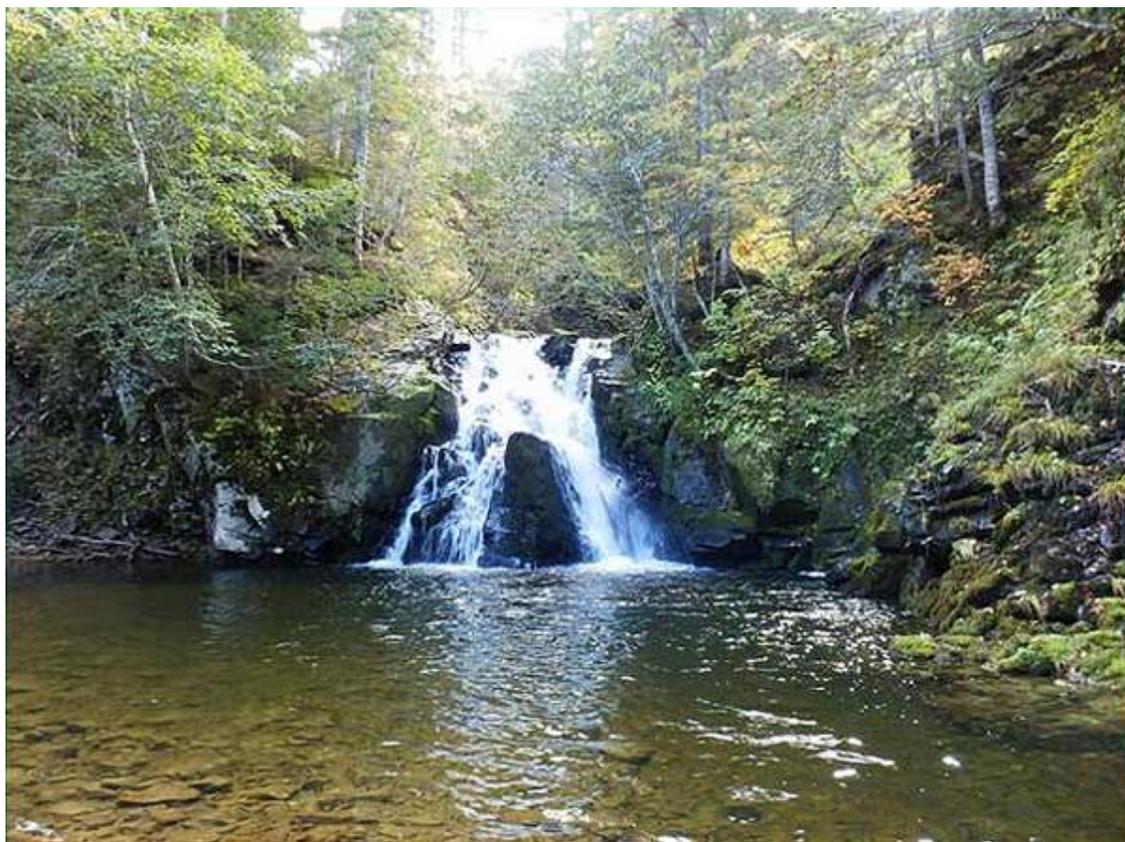
Содержание

Записки сахалинского таёжника. Двадцать пять лет спустя	4
1	6
2	15
3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Маслов Записки сахалинского таёжника. Фоторассказы 2013

Записки сахалинского таёжника. Двадцать пять лет спустя

Фирсово – Чехов

Данный маршрут планировал на июнь месяц. Захотелось пройти по старым местам, посмотреть новые места. Речка Фирсовка, Корица, Ломоносовка, хребет Шренка, Тигренок. В верховьях Тигренок уйти на юг, побывать на небольшом горном озере. Упасть в Найбу, спуститься до речки Пожарской, подняться до притока Чижовка. В верховьях добраться до горы Якутской, Камышовый хребет. Упасть в речку Русскую. Подняться на Шпанберг, посмотреть озёра – на горе восемнадцать озёр. Спуститься на западное побережье. В июне был занят, работал от рассвета до заката, папоротник заготавливал.

Летом идти на длительный маршрут – не хочется лазить по зелёнке. Решил пойти в конце сентября. Сходил. Залез на гору Рудановского, хотя первоначально не планировал туда лезть. За неделю до старта в мозги засела заноза, именуемая горой Рудановского. Да так засела – во что б не стало, надо выполнить эту культурно-познавательную программу! А казалось бы, пора поумнеть, давно пора, уже пятьдесят лет стукнуло. Что сделаешь, ум такая штука – года для него не помеха!

Что планировал изначально – ничего не удалось. Получилось снова Фирсово – Чехов! И снова Рудановского, назад вниз невозможно, не спустишься, только вперёд. Ломая ногти, вгрызаясь руками в каменный грунт. Двадцать шесть лет назад было то же самое, но тогда был лёд и был напарник. Короче, лазил по тайге почти десять дней, девять ночёвок и три банки тушёнки! Кому интересно, можно прочитать и посмотреть!

1

Двадцать первого сентября в семь тридцать утра пошёл на станцию. Сегодня последний рейс единственного поезда, идущего утром на север острова. Не выгодно, мол, мало народу ездит. На взгляд Тимохи, если снять рельсы и сдать их на приёмный пункт металла – вот это будет выгодно!

Поезд в четыре вагона, один из них багажный, подошёл по расписанию. Загрузился, безбилетных пассажиров пригласили во второй вагон. Пригласили, мол, пожалуйста, идите во второй вагон, вас там обилетят. Нет, совсем не так. Безбилетные, проходите во второй вагон! Проводник, молодой парень, произнёс эти слова тоном сержанта полиции, стоящего в оцеплении. Куда прётё, сюда нельзя, назад, быдло! На станции село всего четыре человека, никто ухом не повёл на сержантский тон проводника. Привыкли, ведь живём-то в России, в великой и снова в самой счастливой стране!

Прошли во второй вагон. Начали обилечивать! Да уж, давно не ездил на поездах дальнего следования. Проводница переписывает паспортные данные, потом платишь деньги, получаешь билет. Вот это свобода! Многие бывшие товарищи, то есть коммунисты, точней карьеристы, орали, что СССР была тюрьмой народов. Нет, граждане перекрашенные, ищущие выгоды, в настоящем обхаивая прошлое, свое прошлое. В пору тюрьмы народов билеты на поезд Россия, идущий с Владивостока на Москву, покупали без каких-либо документов.

Купил билет и два сникерса. Шоколадки не в нагрузку, пригодятся на маршруте. Цена билета почти в два раза дороже автобусной цены. Не ходят в Фирсово автобусы. Берём по расстоянию. За пятьдесят километров – двести пятьдесят рублей. Выходит, километр стоит пять рублей! Железную дорогу на металлолом!

Поезд потихоньку стучит колёсами. Конец сентября, а желтизны фактически нет. Рано собрался, не будет в тайге игры красок. Проехали озеро Лебяжье, солнышко скрылось за облаками. То ли будет дождь, то ли не будет. Синоптики на сегодня передали без осадков!!! Да лучше президенту верить и губернатору, чем синоптикам.

В душе присутствует подъём. Скоро пойдёт по тем местам, где ходил молодой. Не так-то просто в пятьдесят лет взять, да пойти через два хребта, по горам. Надо решиться, а когда решился, всё, дальше легче. Таёжнику в два раза легче. Не таёжник не пойдёт в одиночку в дебри хребта Шренка и Камышового.

Рюкзак весит двадцать килограмм, казалось бы, откуда всего набралось на двадцать килограмм? Продуктов килограмм шесть. Три банки тушёнки – килограмм сто грамм, кило риса, килограмм двести грамм хлебцов, чай пить. Хлебцы в пачках, они крепкие, не ломкие. Килограмм сахара, четыре шоколадки, булка черного хлеба. Соли грамм сто, чай разовый – пятьдесят пакетов. Четыре пачки куксы, то есть лапши быстрого приготовления. Блок сигарет тоже можно к продуктам отнести. Продуктов негусто, основная пища будет рыба.

Из посуды – котелок пятилитровый, не нашлось меньшего котелка для приготовления пищи. Литровый, офицерский котелок, он уже двадцать четыре года ходит, где только не был, это чайный котелок. Два костровых крючка со стальной проволоки, брусок – нож править. Кружка эмалированная, две ложки, нож, пластмассовая полуторалитровая бутылка под воду. Три зажигалки с фонариками. Зачем тащить громоздкий фонарь – зажигалки легкие, святят ярко и долго. Снасти, маленькая телескопическая удочка. На приманку немного красной икры. Свечка, аптечка, верёвочки, немножко гвоздей, компас, телефон, фотоаппарат, штатив. Транзистор большой, килограмм весит, хороший приёмник, не китайский.

Часы, с часами интересно получилось. На телефоне часы, на фотоаппарате, на приёмнике. Итого четверо часов! Если на телефоне смотреть время, надолго не хватит батареи. У фотоаппарата питания в обрез, всего две батареи. Приёмник громоздкий, килограммовый.

Часы в кармане, перекуры через каждые пятьдесят минут пути. Компас новомодный, заливной, стрелка бегаёт в жидкости.

Спальный мешок, коврик, два отреза полиэтиленовой плёнки, два на три метра. Куртка, свитер, спортивный костюм, водолазка, носки. Шапочка спортивная, перчатки рабочие, трико. Сандалии на смену. С инструмента – отличный маленький топор с длинным топорщице, сам топорщице делал. Данным топором можно работать, что большим топором. Ножовка шахтёрская. Инструмент отличный! Нож – обыкновенный, столовый, в чехле, сделанном из газеты и обмотаном скотчем. Голь на выдумки хитра!

* * *

Поезд добрался до Фирсово. Когда-то был посёлком, потом стал маленькой деревней. Теперь даже перрона нет! Небо полностью затянуто белой пеленой. Пошли вдвоём на юг, к переезду. Второй вахтовый рабочий. Сумка у него огромная, ему гораздо тяжелей, чем таёжнику, ноша неудобная. Строят новый железнодорожный мост. Зачем? Железку на металлолом! На переезде пути разошлись. Вахтовик пошёл по дороге на восток, к морю. Тимоха пошёл на юго-запад, на рыбоводный завод.

Местность изменилась – не узнать. Было большое, широкое и длинное поле. Теперь грунтовка неплохая. Дошёл до веревочного шлагбаума. В будке женщина сидит в камуфляжной форме охранника. Поговорил с дамой, по её словам дорога пробита чуть ли не до хребта Шренка, до водораздела! Мол, ой, как далеко дорога пробита. Таёжник воспрянул духом, бодро пошагал дальше.

Километра через полтора снова шлагбаум, но нерабочий. Рядом с дорогой – дом типа сарая, два цепных пса разоряются. Поговорил с мужиком. Ну, женщина, ну и тётка, наплела кучу дров! Дорога всего пробита километра на четыре, даже до быков не доходит. Началась территория рыбоводного завода, естественно, территория за забором из сетки рабица. Грунтовка повернула на восток, плохенькая дорожка пошла на запад.

Плохенькая, она плохенькая, но часто по ней, однако, ездят. Зачем, куда, неужели лес валят? На Сахалине везде лес валят. Множество фирм, фирмочек, занимающихся чем угодно, те же фермы. Почти все эти шараги валят лес, готовят икру.

Ошибся, лес не валят, хотя есть что валить: северные сопки глухой ельник. Никакого перестоя, успел вырасти лес после лесокосной компании конца сороковых – начала пятидесятых годов. Вышел на забойку. Был удивлён: на дворе двадцать первое сентября, в речке полно рыбы. Горбуша, конечно, битая, но шустрая, однако. Забойка – место, где забивают! Может, кому-то не понятно? На забойке ловят рыбу, с неё берут воспроизводящий материал, икру и молоки. Покурил на забойке, немножко отдохнул.

Дорога как таковая закончилась на забойке. Прошёл по колее с километр. Стоят два внедорожника – то ли рыбаки, то ли охотники. Если охотники, значит без головы. Здесь промысловый участок главного охотника Сахалина, хотя уже пенсионера. Связи остались. Могут только крутые товарищи здесь стрелять, охотиться, которым всё по барабану, до лампочки и до фонаря! Крутые дядьки не ездят на внедорожниках данного класса. Времена меняются, благосостояние россиянина растёт. Десять лет назад внедорожники любого класса имели бандиты, депутаты и некоторые избранные бизнесмены!

Встал на тропу, да не на ту. Поймой вышел на речку. Где мостовые быки? Смыть их не должно, потому что японцы делали. Пролез по прижиму, поднялся в ельник, вышел в пойму и встал на правильную тропу. Путь-дорожка прямая, что нитка, старая железнодорожная насыпь. Приходится вить петли. На насыпи вымахали огромные ивы, ольха. Так что завалов хватает. Местами просматриваются старые пропилы, чистили тропу, давно, правда, чистили.

Дошёл до быков. Стоят быки, куда они денутся, только потемнели немного, ведь прошло двадцать пять лет.

Время – страшная сила, оно, время это, рушит и железобетон. Тропа прошла еще с километр и все, кончилась. Прошёл по прижиму, ушёл на правый берег. Как тяжело бродить Фирсовку, камни что каток! Нужно смотреть в оба глаза, чтоб не наступить на зазевавшуюся или полудохлую горбушу.

За прижимом тропа круто полезла в гору, высоко. Захода на тропу не видно. Тимоха знает, как по большой воде обходить не пропускной прижим, скалу. В данное время река переходима во многих местах, только скользко!

Первый правобережный приток остался позади. Речка Фирсовка. Таёжник идёт уже по речке Корице. Что творится на берегах! Медведи так наследили, как коровы на тырловке. Когда-то говорили, что на речке Фирсовке много медведей. Теперь, наверное, говорят, что на Фирсовке кишит медведей.

Второй правобережный приток Ломоносовка не заставил себя долго ждать. Устья двух притоков рядышком. Сразу за устьем Ломоносовки через Корицу натянута трос, а выше веревка. При большой воде по тросу идёшь, за веревку держишься.

* * *

Минут десять ходу, устье третьего правобережного притока, речка Ясновка.

Стоп мотор, здесь будем поворачивать. Сделал второй перекур. Пошёл по Ясновке, скажем, на запад. На самом деле речка по пойме крутит, но не так здорово, как, допустим, Ломоносовка. В Ясновке тоже рыбы хватает, берега все истоптаны, усыпаны ошметками горбуши. Присутствует характерный запах. Давно не ощущал этого запаха, давно не ходил по нерестовым рекам во время завершения нереста горбуши.

Сверху стало потихоньку капать, мелкая редкая морось. На ночь обещали сильный дождь. Они, синоптики эти, много чего обещают, так же как и депутаты! Пойма быстро закончилась. Ясновка стала такие петли вить, временами даже немножко на восток идти! Уму непостижимо. Психологически тяжело идти по данной реке. Идешь, идешь, а как будто на месте стоишь. Медленно продвигаешься к западу. Местами, где низкие длинные мысы, медведи тропки набили, срезает путь-дорожку. Зелёнка почти вся стоит, короче, на поймах бодульё стеной. Это не есть хорошо. Рано ещё, в поймах листва на деревьях зелёная. Тополь здесь нет, тополь давно начал сбрасывать листву. Несет по речке единичные ольховые листочки. Когда начнёт сыпаться ивовый лист, на речке появятся небольшие заторы.

Дождик потихоньку крапит. Ещё час пути и нужно становиться, бивуак разбивать. Речушка стала шириной в пару метров. На приличной ямке, глубиной метра в полтора, увидел много большой рыбы. Косяк гольца, примерно хвостов тридцать. Рыба в основном одного размера, с мелкую горбушу, но голец узкий, что торпеда.

Надо поймать рыбки, несмотря на усиливающийся дождик. Принялся вязать тампоны. Последний раз вязал тампоны двадцать два года назад! Ну, не рыбак Тимоха. За эти двадцать два года поймал на крючок столько рыбы! Ярому рыбаку нужно минимум прожить три жизни, чтоб столько же поймать. Рыбу, которую ловит таёжник, вполне устраивает дождевой червь. Гольца червяк не устроит, он и ухом не поведёт на червивую приманку!

Связал тампон, телескоп на боевой взвод. Забросил снасть, мальма клюнула. Да чтоб тебя! Голец не реагирует. Может, потому что икра солёная? На втором забросе среагировал.

Какая отличная рыбка и большая! Тампон разбит. Нужно лучше вязать. Стал рыбачить визуально, мелочёвка мешается, хватает тампон. Голец слабо реагирует.

В течение получаса поймал пять гольцов, два из них размерами с горбушу, и вытащил восемь штук мальмы, размерами сантиметров на пятнадцать. Нужно прекращать это дело. Время подходит к семнадцати ноль-ноль. Светлого времени осталось всего три часа. Холодно стоять, дождик потихоньку мочит. Рыбы вполне хватит на ужин и на завтрак.

* * *

Минут через двадцать после рыбной ямы подвернулось подходящее место для разбивки бивуака. Первым делом сообразил рогачки, завёл костёр. Сходил за водой, напротив бивуака ямка на речке гораздо меньше той, где рыбачил, а гольца хватает. Пока не до рыбалки, дел много. На огонь повесил котелок под чай. Берёза на крутом склоне, невысоко, бамбук сырой, значит мокро. Заготовил материал. Напиллил шестов, рогачков под полог, дровишек подтянул. Почаёвничал с остатками сникерса, на перекурах почти весь сникерс ушёл.

Дождик прекратился. Занялся строительством бивуака. Тяжело впрягаться в ляжку. Давно не городил бивуаки. Принялся городить. Дернул же черт расположиться впритык со склоном. Меньше работы, стропила короче почти в три раза. Черт здесь не причём, лень-матушка пытается руководить. Почему пытается? Она, лень эта, и наруководила! Наклон сделал минимальный. Один конец стропила на перекладине, другой конец стропила на склоне лежит.

Полог готов, на подстилку немножко лапника. Нет рядом молодой пихты – что смог срубить с больших деревьев, то и подстелил. Наверх полиэтилена наложил еловой лапки. Вдруг ветер поднимется. Если верить сахметею, сегодня ночью обещают не просто дождь, сильный дождь! Это по интернету, по радио ничего не обещают.

Приёмник ничего не ловит, кроме Лайф радио, волна плавает. Таёжник слегка расстроился. Зачем тащит килограммовый транзистор? По Лайф радио погоду не узнаешь. Не прав оказался, просто никогда не слушал эту молодёжную волну. Лайф радио Сахалин говорит о погоде по два раза за один час. Об этом узнает только послезавтра.

Сегодня крыл матом всю эту демократию и всех к ней приближённых! Зол, однако. В советские, в несвободные времена месяц жил на речке Ломоносовке. Напрямую всего пять километров на юго-восток. Слушал Маяк, радио Юность, радио Один, Молодёжный канал. Ну а теперь в свободной России фактически на том же участке тайги ловит одну русскую волну. У таёжника радиоприемник серьёзный. Была бы китайская мыльница, Лайф радио услышал бы после того, когда забросил бы на ёлку проволоку, антенну. Азиаты как и раньше эфир забивают, множество разных радиопередач.

Опять возвращаемся к старому, наболевшему вопросу. Ну почему так, почему у японцев, китайцев, корейцев сильные, мощные радиотрансляторы? Русские снова в дерьме. Ответ на вопрос тоже старый. Ты, таёжник сраный, за тридцать лет давно бы выучил японский, китайский, корейский языки. Нормально бы слушал радио. А коль не выучил, значит дебил!

В России человек превыше всего, все для человека, это было испокон веков!!!!!!
По тайге харашаются не человеки, так, расходный человеческий материал. В городах есть, живут настоящие человеки, их, правда, не очень-то и много. Там радио ловит всё, что угодно! А вообще-то, настоящему человеку запахло слушать какой-то там радиоприёмник! Ирония очень горька, но это истина.

* * *

Выпотрошил рыбу. Два больших гольца с красной икрой. Икорка, естественно, мельче горбушовой икры. Помыл рыбу, в котелок её, икру туда же. Бросил немножко соли, повесил на огонь. Специй нет никаких, даже нет лаврового листа! Рыбы в котелке много. На завтрак останется. На Найбе тоже гольца полно, сам лично видел и ловил по шесть мешков, правда, в декабре.

Рыба поспела быстро. Что удивительно, на завтрак рыбы не осталось! А ведь в котелке было много рыбы. Было, да сплыло! Вот если бы пожарить. Голец варёный тоже вкусный. Значит, мальма варёная не вкусная? Нормальная, жареная вкусней. Жареная рыба калорийная, основные калории от растительного масла и муки.

Покушал, чая попил, вот и ночь наступила. А всего-то пошёл девятый час вечера. Снова сыпет морось, скапливаясь на хвое, дождевыми каплями изредка стуча по пологу. Тепло. Просушил сапоги. В спальный мешок залез в футболке, носки снял. Пусть ноги отдыхают. Не спится.

Всё-таки хорошо, в десяти метрах речка потихоньку журчит. Иногда доносятся слабые всплески. Голец плещется, речушка уже не большая. Для такой речушки голец – большущая рыбина! Не было бы слышно падения капель на полог, было бы не все-таки хорошо, а просто хорошо, даже здорово!

Капли стали падать чаще, дождь пошёл. Вылез из спальника, сделал ещё чая. Примерно часов в одиннадцать беззлобно матюгнулся в адрес синоптиков и в адрес интернета! Не ошиблись, сволочи! Синоптик почти постоянно ошибается, когда предсказывает ясную погоду. Когда предсказывает дождь, ошибается редко. Когда предсказывает сильный дождь, почти не когда не ошибается!

Как забарабанило по полиэтилену! У природы нет плохой погоды, каждая погода благодать. Ну да, Тимоха с этим согласен! Сидишь в зимовье, дома у камина или у батареи – у природы нет плохой погоды. Когда лежишь под пологом, слушая частую барабанную дробь, а в тайге глаз коли, начинаешь осознавать, что у природы есть не то, что плохая погода, есть отвратительная погода. Но опять же обстоятельства. В данное время ты мог находиться в зимовье, у камина или возле батареи. Тебя никто не гнал в глубь тайги в преддверии сильного дождя. Не поверил синоптикам? Зря, синоптик тоже человек, людям надо верить!

Пока что всё нормально, за исключение одного. На фактически ровной крыше полога, между стропилами, ближе к склону начинает собираться вода. Построил полог, лень наруководила!

2

Сон урывками. Просыпаешься. Сразу светишь на крышу полога. Приподнимаешься, пропихиваешь водный пузырь ближе к склону, чтоб он стёк на склон. Ни в коем случае нельзя допустить прорыва. Тогда минимум ведра два воды ухнет на спальный мешок. В трёх местах полиэтилен закапал. Пленка не новая. Дырочки маленькие, дождик зато сильный. Лейкопластырем залепил дырки. А дождь всё льёт и льет. Кстати, не тай уж сильный дождь. Хороший дождь, но не сильный дождь. Сильный дождь – это ливень.

Всю ночь занимался отводом воды. Под утро произошло небольшое ЧП. Убирал, прогонял большой, наверное, ведёрный пузырь воды к слону, со среднего водозабора! Водозаборов три штуки. При строительстве полога использует четыре стропила, два по краям и два стропила немногим меньше метра друг от друга. Между ними скапливается вода. Над головой пузырь небольшой. Водичка постоянно с него стекает на склон сопки.

Резко приподнял средний пузырь, надоело уже. Основная часть воды со среднего пузыря ушла на третий пузырь. Плёнка не закреплена к стропилам. В третьем пузыре уже было ведра полтора! Почти столько же добавил. От тяжести плёнка соскочила с крайнего стропила. Водопад попал на рюкзак, на сапоги, немножко спальнику в ногах досталось. Ерунда, в рюкзаке всё в полиэтиленовых мешках. Сапоги раскатаны, голенища завернуты к подошве, внутрь сапог не попало ни грамма воды.

Перед рассветом дождь закончился. Как только капли стали редкими, вылез наружу. Костёр, естественно, давным-давно потух, но углей гора. Кормил костёр фактически одной березой. Огонь развел быстро. Хвороста полно, дождь лил всего одну ночь. Этого мало, чтобы напитать хворост водой. Мелкие еловые сухие ветки впитывают воду, что губка, но нужно время, сначала надо их размочить.

Хорошо, однако, поспал! Вода в речке заметно подскочила, водичка стала слегка мутной. А ведь сегодня предстоит тяжёлый денёк. Надо взять гору Рудановского. Надо! Если получится. Рудановского – не пик Чехова. Здесь нет троп, никто никогда не восходил на гору господина Рудановского в честь дня рождения господина Ульянова!!! На гору, названую в честь господина Чехова, не один десяток лет восходили в честь господина Ульянова! Это может понять только человек, рождённый в СССР!

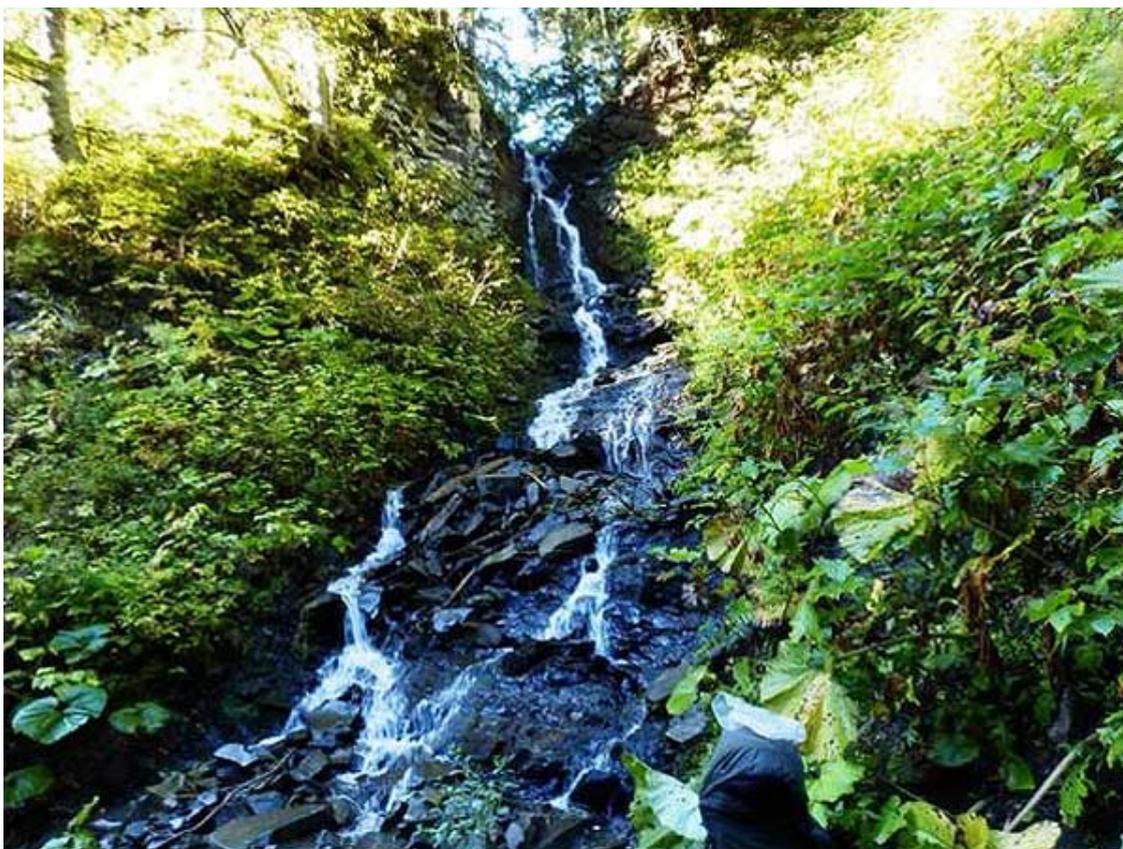

Завтракал пустой куксой. Надо пояснить, больно странный завтрак! Пустая кукса – это запаренная пачка лапши быстрого приготовления, без всяких добавок. Что добавлять? Тушёнка для риса. Сверху чай вприкуску с хлебцами. Рыбу вчера всю съел. С удовольствием бы покушал рыбки. Сырая погода повышает аппетит, это раз. Второе: непогода прошла, атмосферное давление поползло вверх. От этого самочувствие улучшается, аппетит появляется.

* * *

Пока то да сё, вышел в полдевятого утра. Рюкзак стал немножко тяжелей. Полиэтилен весь мокрый, спальник сырой. Как говорил выше, водичка в речке заметно подскочила, несёт муть. Вчера было легче идти по реке. Немножко плечи побаливают. Минут двадцать ходу, развилка. Сходятся, в сущности, одинаковые ручьи. Да, уже ручьи, речушка осталась за развилкой. Пошёл по основному, левобережному ключу.

Первый перекур сделал на водопаде. Приток с юга летит в Ясновку с высоты метров пятнадцати. Узнал водопад. Как же не узнать, он приметный.

Двадцать шесть лет тому назад после покорения горы Рудановского упали в Ясновку вот по этому ручью. Была середина мая и очень много снега. Весь бамбук, другие подарки были под снегом. Снег слежавшийся, прессованный, плотный, что асфальт.

Почему-то ни капельки не сгрустнулось, глядя на этот водопад, где четверть века назад гремела, грохотала вода. Фотографировались на фоне водопада бегом. Вода была огромной, весна. Не сгрустнулось, наверное, потому что ты снова здесь. Наоборот пошёл душевный подъём. За четверть века ничего не приобрёл, но и ничего не потерял. Здоровье в норме, укреплено. Плохо, что и дурость в норме, закреплена, падла, наверное, пожизненно! Вот её бы где потерять. Кто подскажет место? Здоровье теряют, ещё как теряют, и не надо подсказывать никаких мест.

Распадок Ясновки стал уже, ручей летит вниз.

Пошли частые пороги. Ельник стоит на верхах. Зелёнка только начала буреть, рано пошёл.

Добрался до серьёзного водопада.

Высота – метров пять. Внизу с обеих сторон каменные обрывы. Аккуратно полез по левому берегу. Здесь отвес всего метра два, выше легче. По правой стороне каменная стена до самого верха, она непреодолима. Высокий водопад, тяжёлый, значит опасный. Он уже позади. А сколько их впереди? Это хребет Шренка, он крутой, ещё какой крутой!

Второй перекур сделал на развилке в глубоком раздумье. По карте нет никого более-менее стоящего левобережного притока. На самом деле, есть. По каменному широкому руслу из-за поворота в Ясновку несётся приличный ручей. Что делать, как быть, где идти? Надо по воде добраться как можно выше.

Полез по левобережному притоку. Идти невозможно, только лезть. Сплошная порода на всю ширину распадка. Наклон градусов за тридцать. Есть участки за пятьдесят градусов. Временами порода скользит. Тяжёлый участок преодолел фактически на четвереньках. Не на коленках. Гибкость, то есть пластика отличная. Чуть что, руками упираешься в породу, по которой несется вода. Правда, на плечах двадцать килограмм.

Организм уже переключился в экстренный режим. Может, что и будет болеть от такой гимнастики, продолжительной гимнастики. Но не сегодня, когда трудности останутся позади. Все, расслабляться нельзя. Вчерашний день можно назвать тренировкой. Сегодня началось. Началось вот на этом подъёме. При преодолении высокого водопада организм не включил экстренный режим. От этого было немножко страшно. Как бы не поскользнуться, не ухнуться вниз.

Когда в организме включен экстренный режим, ты уже не боишься поскользнуться и не поскользнешься. Почему? Потому что ты не имеешь на это право, тебе нельзя поскользнуться, тем более ухнуться вниз, тебе это запрещено законом тайги. А кто этого не понимает и идёт в тайгу, в горы, тот становится пропавшим без вести.

Преодолел тяжёлый участок, вскорости распадок пошёл с запада, с небольшим уклоном на север. В мозгу свербит мысль: зря пошёл по этому ручью.

Очередной перекур, третий перекур делал в бамбуке высотой за три метра. Толщина стебля у корня за сантиметр. Вот это бамбук! Такой бамбук видел единожды. Охотовед Васёк нашёл на отроге между речкой Десной и ручьём Каменец делянку мощного бамбука. Нарезал вязанку на удилица. Объяснил Тимохе, где растёт огромный бамбук, тот сходил, посмотрел.

Здесь вся сопка в огромном бамбуке, невозможно осмотреться. Стоят разрозненные мощные пихтовые деревья и такие же большие берёзы. Рано осматриваться, пока что подъём. Пологий подъём, но сквозь трёхметровый бамбук, короче, слов нет. На запястьях обеих рук множество царапин, порезал листьями бамбука. Прежде чем сделать шаг вперёд, раздвигаешь заросли руками. Стала просматриваться гора Рудановского.

* * *

Все когда-то кончается. Стоит таежник наверху крутой, высоченной осыпи. Ручья не видно, зато хорошо слышно. А также хорошо понятно, что ручей бежит на юг, вот от этого ничего и не понятно! Гора перед тобой.

Все было бы нормально, если бы никогда не был в этом районе. Внизу речка Ясновка. А думал, что внизу приток речки Рузы, вода с горы Рудановского бежит на север.

Двадцать шесть лет тому назад здесь было много снега. К подножью горы поднимались по Рузе, падали на Ясновку. Прежде чем упасть, спустились по хребту до глубокой седловины. Километра три на юг прошли. По притоку Ясновки снова на север пошли. Ладно, хватит голову ломать. Что было, то былём поросло. Вот тебе гора, и думай, как на неё забраться сейчас!

А чего тут думать, сматываться надо! Шутка таёжная. По северному распадку наверх ходу нет. Хорошо видно огромный участок открытых скал. Также видно, как вода чуть ли

не по отвесу метров сто пятьдесят несётся вниз, преодолевая скальный участок. Для фотоаппарата плохо видно, деревья мешают.

Южный распадок фактически не видно с данной точки. Тимоха знает, что там тоже есть скалы, но их меньше, чем на северном распадке. Так что придётся снова, как и двадцать шесть лет тому назад, покорять гору Рудановского по южному распадку. Вперед, на вершину! Ну, вперед, сначала нужно как-то на ручей упасть и при этом не разбиться! Потом километра полтора вниз до развилки.

Взял южней, ушёл с осыпи. Упал на ручей и не разбился. Ветки кустарникового клёна вместо каната. За них держишься, спускаешься, перехватываешься за другие ветки. Приличный ручей сломя голову несётся на юг. До развилки спускался минут десять. Нужный ручей поменьше, но тоже немаленький. Посмотрел наверх, никакого ух! Ручей выбегает с южного поворота, горы пока не видно.

Подъём крутой, преодолел два порога высотой метра по три. Прошёл поворот. А вот теперь ух! В глубине мозгов начал было просыпаться здравый смысл. Хотел выдать фразу – мол, ты, дурачок, куда ты прёшь, ослеп, что ли? Организм переключен на экстренный режим. Здравый смысл загнал туда, откуда тот пытался вылезти и завладеть ситуацией! Сиди там и не вякай, прорвёмся, без кого-либо, может быть. Прорвёмся!

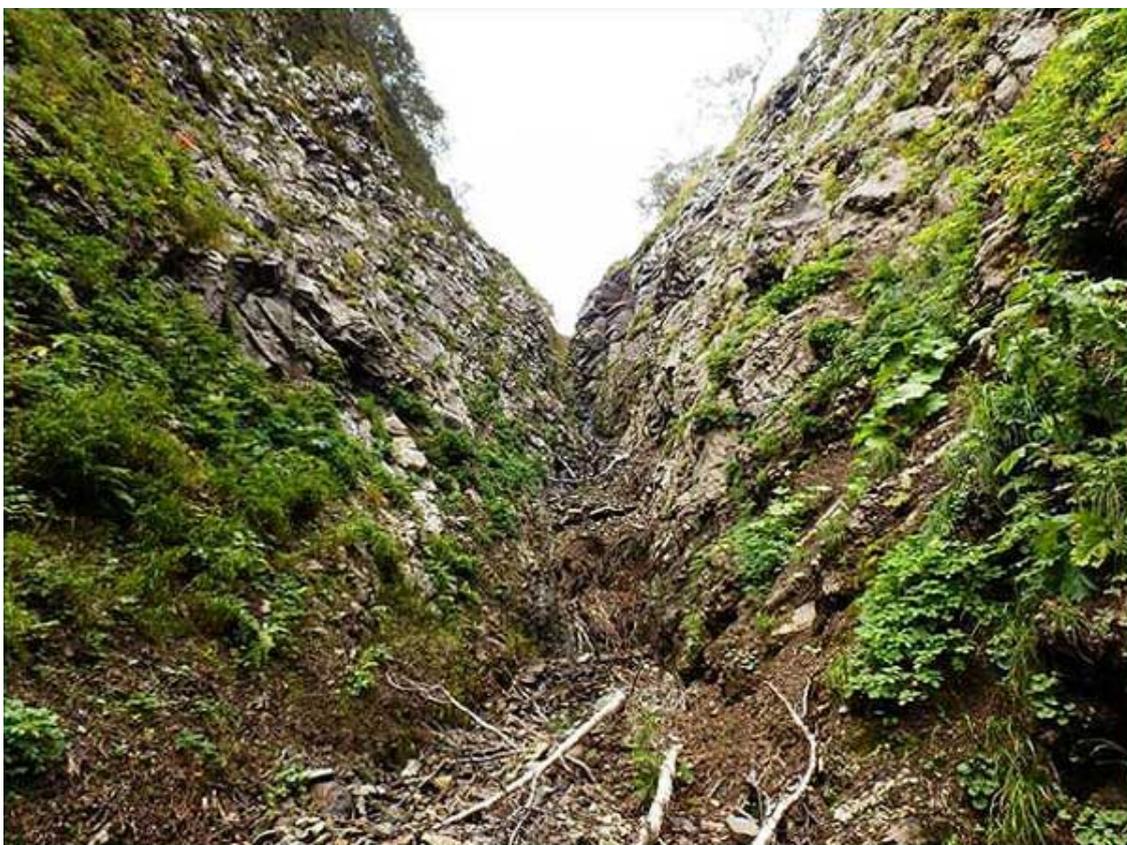
Вверху хаос, нагромождение камней, травы, вершина не просматривается. Поднялся метров на сто. Открылся прекрасный вид на восток, откуда пришёл.

Добрался до первого серьёзного препятствия. Водопадом не назовёшь, воды мало.

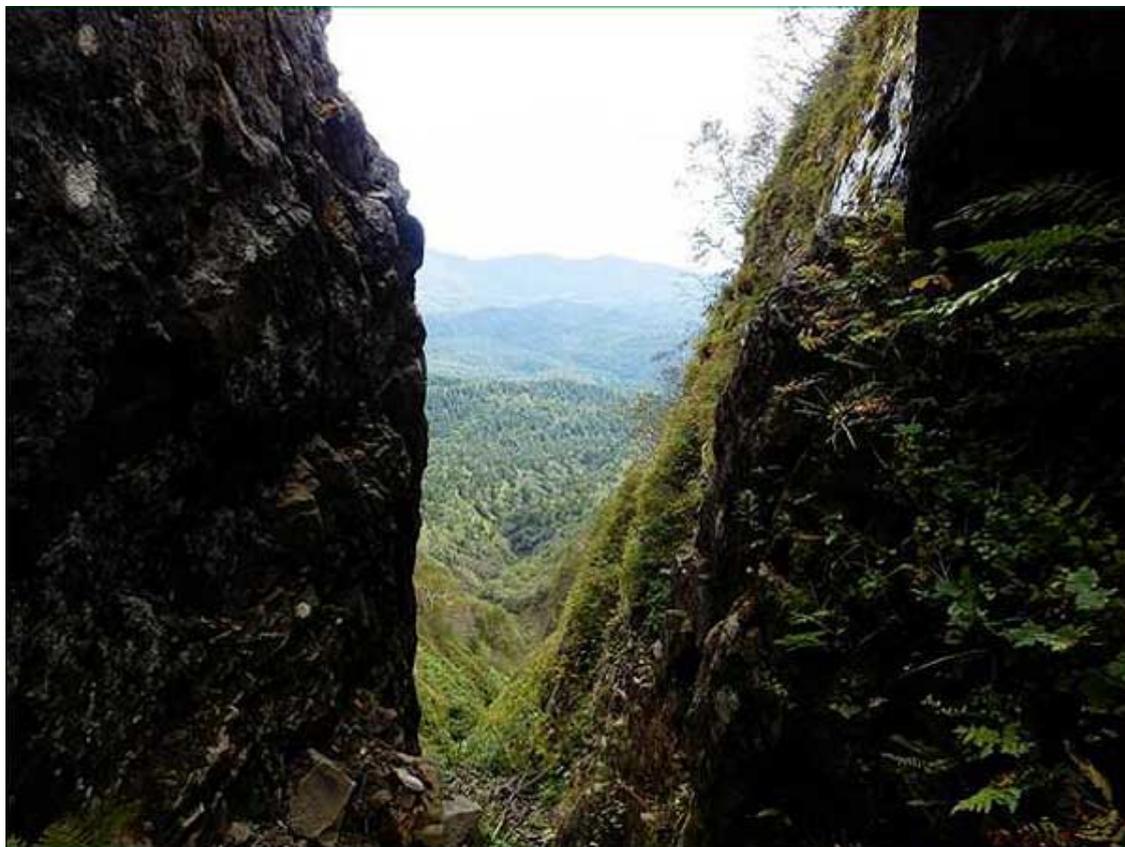

Каменная стена метров за семь, ручей сверху летит. Ну, и что делать? Как это что делать, на стенку лезть! Залез! Немного водички натекло в сапоги. Выше, возле открытых скал, будет конкретный подарок. Его пока не видно. Таёжник чувствует. Он хорошо понимает, что не получится спуститься по каменной стене, на которую только что залез. Повторяется восемьдесят седьмой год, обратной дороги нет.

По каменной щели лез минут, наверное, двадцать. Под завершение препятствия метров восемь карабкался по желобу градусов за семьдесят. Не за что крепко ухватиться. По желобу

несётся вода. Коленками упираешься в стенки желоба, благо, порода, то есть мокрая скала, резину держит отлично. Потихоньку продвигаешься выше, руками придерживаешься. Полные сапоги воды! Залез. Дотянул до каменных ворот. Физическое состояние не подлежит изложению в цензурной форме. А ещё лезть и лезть, больше не будет мокрых подарков.

Большой перекур. Отдышался, да не слишком запыхался. Покурил. С трудом стянул сапоги, полные воды, бамбуковой сухой листвы. Вот это нагрёб! Снова покурил. Высота приличная, а ручей ещё резвый, наверху бьёт хороший родничок. Сидеть хорошо, но надо идти. Ага, здесь, пожалуй, пойдёшь. Надо лезть в крутую гору.

Полез. Пару раз приходила мысль уйти влево, прорваться сквозь стланик. Все равно упадёшь туда же, в самые истоки реки Найбы. Не до фотоаппарата, в сущности, нечего фотографировать. Нет, есть что фотографировать, виды прекрасные. Эти виды можно заснять сверху – лучше получится.

Добрался до места, где уже исключен уход влево. Только вверх. А как, почти отвес. В скальной серой породе в щелях земля. То там, то здесь травка жидкая растёт. До кустов черники ещё далеко. Вода осталась внизу. Не было видно родника. Водичка стекала со скального грунта, с обеих сторон распадка, и сразу образовывался ручеёк.

Дальше – ломая ногти, сбивая пальцы, вгрызаясь руками в скальный грунт, одновременно ища прочную опору хотя бы одному сапогу, одной ноге. Вот где нагрузка пошла. Двадцатикилограммовый рюкзак на плечах не ощущается. Забыл про мешок, сейчас не до него. Пот капит с козырька кепки, а с носа льёт! Ну, ещё немножко.

Наконец-то дотянулся до ближнего кустика черники. Ты смотри, не сорвался! Везет, однако. Метров тридцать преодолел в гору заросший участок. Градус стал намного положе. На склоне всего понемногу: бамбук, жидкий стланик, кусты черники, молодая берёзка. Лез по склону, кушая ягоду чернику, хватает здесь черники, мелковата ягодка.

* * *

Ура! Мы победили!!! Снова Тимоха на горе Рудановского, снова на том же месте, как двадцать шесть лет назад. Тогда был конец мая, теперь конец сентября. По льду, по прессованному снегу намного легче! Все каменные стены были под снегом, кроме одной, самой верхней. Стена вылезала из-под снега всего на три метра. Вершина в двухстах метрах северней. Кругом стланик, да такой корявый! Нет смысла лезть на самую вершину. На эти двести метров угробишь минимум час. А сколько сил, которых уже фактически нет!

Отдышался, покурил, взялся за фотоаппарат. Первым делом заснял вид на северо-восток. Вдалеке видна синяя полоска Охотского моря. Распадок речки Руза, распадок Корицы тоже просматривается.

Далеко на востоке видно приморский хребет, распадок речки Ясновки.

На юге, немного восточней просматривается весь хребет Шренка. Гора Рудановского, начало хребта Шренка.

На юге ничего не разобрать. Не просматривается распадок реки Найба.

На зуммере заснял весь свой путь. Четко видно главный распадок реки Ясновки.

На юго-западе гора Шпанберг, тысячник. Туда нужно попасть, там восемнадцать озёр, памятник природы. Напрямую – рукой подать, птице крылом махнуть. Человеку придется вить такие петли по тайге, что о-го-го.

Вдалеке на северо-западе просматривается бледно-голубая полоска Татарского пролива. Все распадки притоки реки Старицкой.

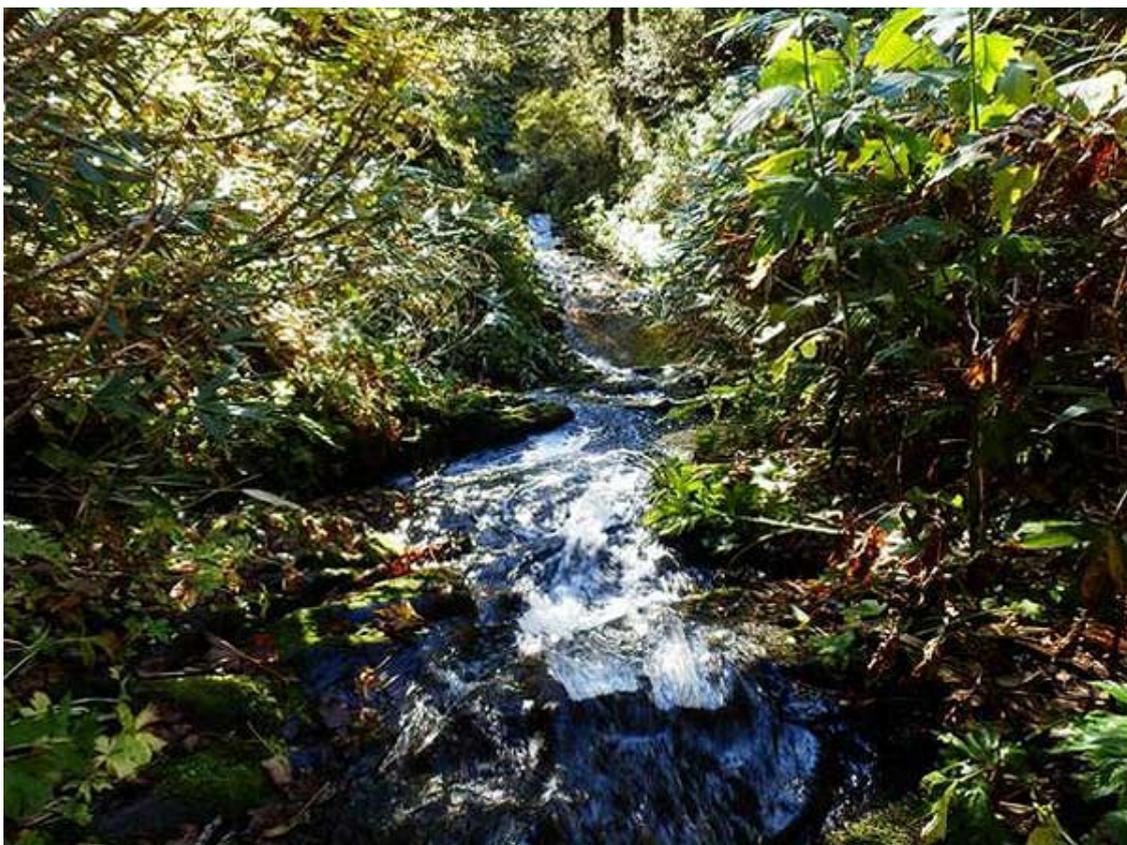
Сфотографировал вершину горы Рудановского.

Пошёл, точнее полез по склону вниз, в истоки реки Найбы. Здесь идти невозможно. Стланик уродливый, скрученный, перекрученный. Невозможно идти по стланику верхом, по веткам. Как, допустим, на Сусунайском хребте.

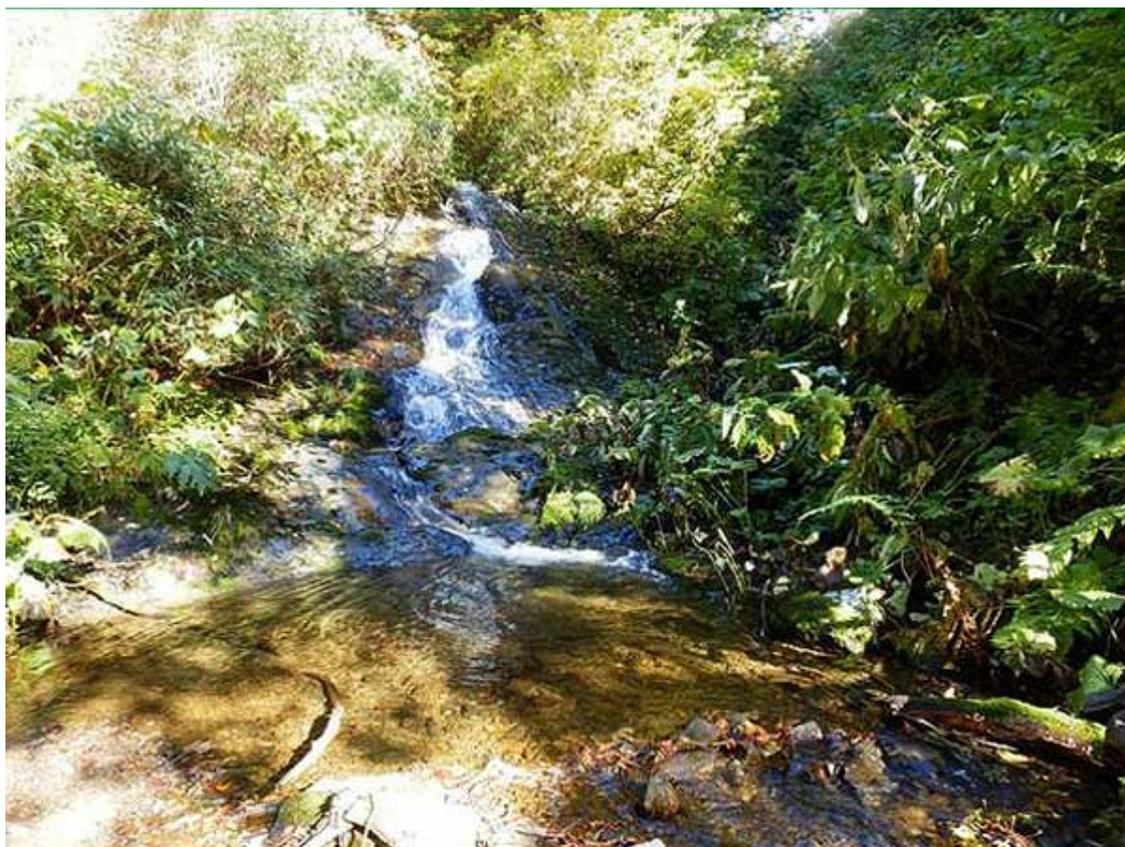
Упал в распадок. Поздоровался с махонькой Найбой! Махонькая Найба давай выстав-
лять напоказ свой норв. Несётся по желобам вниз, сломя голову.

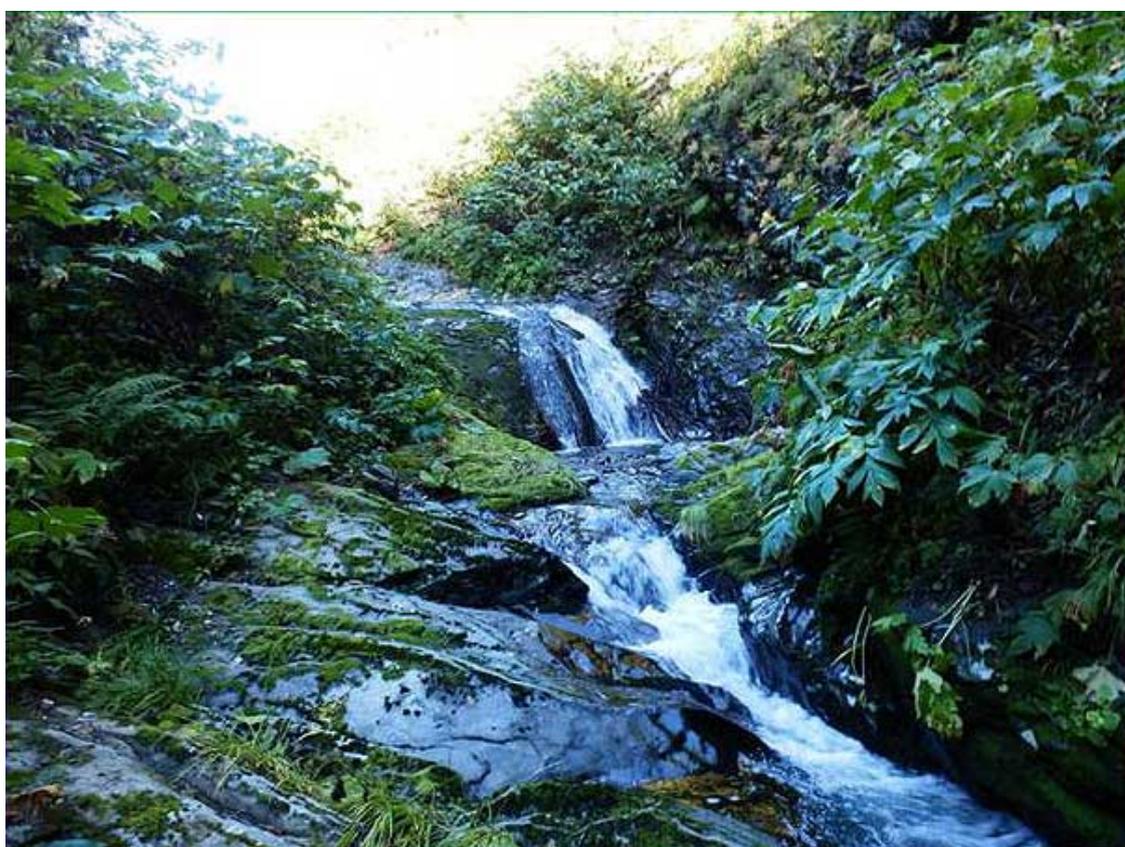
Порода скользкая, приходится лезть по краю. Перепады разные, по два метра с наклоном примерно в тридцать градусов. Есть перепады по двадцать метров с поворотами, с наклоном за пятьдесят градусов. Трехметровые, пятиметровые обрывистые пороги.

Два раза поскользнулся, метров по пять проехал на заднице. Не ушибся, брюки испачкал и намочил.

Кажется, лезть на гору Рудановского было легче, чем спускаться по махонькой Найбе!

Махонькая Найба довольно быстро выросла. Вниз уже несётся небольшая речушка.

Пора становиться, бивуак разбивать. Нужно дотянуть хотя бы до верхней Угольной. Прошёл правобережный приток, река побежала спокойней. Таёжник воспрянул духом, решил тянуть до нижней Угольной. Тянуть до знакомого места. Появилась небольшая пойма. Нет, не дотянуть до нижней Угольной, сил нет. Да и время уже давно вышло.

Шум водопада слышал издали. Вот и пришли. Полнейший непропуск. Водопад ступенчатый. Отвес высотой метров за шесть, затем ровный участок метра четыре и снова пятиметровый отвес. Вода так вылизала горную породу, всё кругом гладкое, сама порода скользкая. С обеих сторон распадка почти отвесные стены скальной породы высотой за пятнадцать метров. Немного ниже ещё высокий водопад, кажется, тоже непропуск. Второй водопад за кривуном. Его не видно. Зато хорошо видна высоченная стена скальной породы.

Полез в сопку левого берега. Кто сказал, что сил уже нет?! Куда ты денешься! На обход непропусков потратил час. Наверху густой бамбук, и ведь надо было спуститься. Вот долезу и скажу: ну все, довольно, милая! Нет, вниз не сорвался. Вот обойду эти непропуски и всё, довольно, хватит. Время – шесть часов вечера!

Обошёл непропуски, как специально пошла местность не бивуачная. Река зажата. Кругом разбросаны камни, булыжники, цветом напоминающие красный кирпич, булыжники как бы пористые. От этого кажется, что они лёгкие. Попробовал на вес – нет, не легкие! По старому руслу обошёл мощный завал наносника. На старом русле грунт вперемешку с мелким углём, много ила. За завалом река стала мутная, точнее грязная, течение слабое. На глубине двадцати сантиметров дна не видно. Вот ещё подарочек на сон грядущий.

Прошёл довольно крупный правобережный приток. Скорей всего, это верхняя Угольная. Правобережный приток выше непропусков, небольшой ручей. Найба заметно выросла.

Время – девятнадцать тридцать, начало темнеть. Двигаясь по пойме, наткнулся на ручеек. По реке идти не возможно, вода сильно мутная, грязная вода, дна не видно. Пошли приличные поймы, значит скоро нижняя Угольная. До неё нет ни времени, ни сил, оставим на завтра. Решил упасть недалеко от ручья, нужна была чистая вода.

* * *

Вот это таёжник сегодня дал! Шёл одиннадцать часов! Да как шёл, за спиной покоренная гора Рудановского. Это вам не через Кутузовский перевал махать хребет Шренка.

Сбросил опостылевший мешок. Сразу посмотрел наверх. Небо чистое, уже звезды появились. Будем надеяться, что сверху не зальет. Пока ещё относительно светло, надо шевелиться, шустро шевелиться. На склоне, метров за пятьдесят от брошенного рюкзака, спилил молодую березу. Обустроил кострище, завёл огонь, повесил чайный котелок. Наметил место, где будет лёжка. Ни о каком пологе речи быть не может. Через двадцать минут станет темно. Материала поблизости нет.

Заметно похолодало. Естественно, тащился с рюкзаком, мешок – отличная грелка. Теперь организм остыл, вот и похолодало заметно. Остынет, пожалуй, организм, таёжник не стоит на месте. Пока закипает водичка под чай, работает ножовкой. Дрова – ива, много вокруг ивового сухостоя. Толстые сушины. Мастеру спорта международного класса по распиловке дров это не проблема! Сухая ива пилится легко.

Дождя не предвидится, факт неоспоримый. Морозец может предвидеться, руки мерзнут. Мерзнут сбитые места на пальцах, исцарапанные запястья. Скажем по-другому: чувствуют холод места тела с поврежденной кожей! Во как умно! Плохо, что не чувствует холода поврежденный мозг, кстати, давно поврежденный, с раннего детства!

Попил чая, всё, ночь наступила. Наложил в костёр ивовых веток, чтоб светлей было. В пойме ветки кругом, везде, на каждой пойме присутствует ломаная ива, ольха. Обустроил лёжку. В котелок насыпал риса, бахнул банку тушёнки. Пристроил с краю веселого бодрого пламя костра. Израненные кисти рук больше болят от тепла, чем от холода. Ранки сильно чувствительны к жару огня. Данная проблемка будет на всём протяжении маршрута.

Запястья – ерунда, царапин множество, но они мелкие, листья бамбука – это не нож. Некоторые пальцы на суставах здорово сбиты, до мяса. Четыре обломанных ногтя! Перед вершиной, когда карабкался чуть ли не по отвесу, завидовал медведю, когтям его завидовал! Вот бы мне такие, на гору бы влетел!

Шёл по Найбе, не обращал внимания на израненные кисти рук. Не нужны были кисти рук, нужны были кисти ног! Они в норме, защищены болотными сапогами. Приступил к работе и даже удивился слегка. Ничего себе, как пальцы посбивал! Это у всех так. Пока свежей ранки не видишь, ты её не чувствуешь. Только увидел – всё, заболела, зараза!

Ветки прогорели, котелок с рисом повесил над огнём. Таёжник впервые на маршруте варит рис. Сварить рис – дело не быстрое, к тому же нужен опыт, умение сварить хороший, вкусный рис на костре. Опыт есть, много риса сготовил на костре. В потемках завалил сухой ивовый столб толщиной за двадцать пять сантиметров. Высотой метров за десять. Он как грохнулся – верхушка рассыпалась. С фонариком собрал чурки. Комлевую часть раскидал ножовкой.

И только после этого переобулся. Время подходит к десяти вечера или ночи. Сапоги, носки на просушку. Рис готов, приступил к трапезе, больно жрать хочется! Беззлобно матюгнулся в адрес себя любимого. Крупы много, воды мало. Да уже темно было, и такой заморенный, что слов нет. Короче, зёрна риса хрустят на зубах! Ерунда, рис в желудке дойдет до нужной кондиции.

Довольно быстро насытился, вкусно, однако. В котелке ещё много риса, утром не справиться с этим объёмом каши, заправленной тушенкой. Придётся брать рис собой. Спускаюсь по Найбе, гольца не заметил. Какой гольц? Вообще не видел ни одной мелкой рыбёшки. Попил чая, досушил сапоги. Под брюки надел трико – холодно. Залез в спальный мешок, сверху накрылся полиэтиленом. Не на случай дождя, на случай росы. Дождя не будет, небо красивое, все в звёздах. Роса будет обильная, осенние росы сильные.

Ну и денёк! Впечатляющий, про нагрузки и говорить не стоит. Вот это дал стране угля одинокий мужичёк за пятьдесят. Он и курит, он и выпить не дурак! Кстати, насчёт курева: нужно переходить на режим экономии. Насчёт сахара также режим экономии. Следовало бы тушёнку на два раза разделить, поезд ушёл, и банка тушёнки в котёл ушла! Таёжник находится не в отрогах Сусунайского хребта. В верховьях реки Найба, между двух хребтов. Впереди дел много, так что переходим на режим экономии.

3

Спал плохо, замерз, однако. Надо было олимпийку да куртку камуфляжную надевать. Неужели морозец ударил? Рано, сегодня всего лишь двадцать третье сентября. Может, в верховьях Найбы не рано.

Вылез из спальника, сразу оделся. Полиэтилен весь мокрый, как будто ночью дождь шёл. В пойме на бодулье не видно изморози, пожухшие листья мокрые. На растопку пришлось тесать топором ивовое сухое бревно. Завёл огонь, дождался чая. Хорошо, да не очень. Состояние, как будто вчера вечером выпил пол-литра беленькой! Но не ломает, мышцы не болят. С чего болеть, постоянно в движении.

В котелок с недоваренным рисом добавил воды, повесил на слабый огонь. Много риса наварил, после разогрева станет ещё больше! Рис потихоньку кипел минут десять. Сел завтракать, пришлось подсолить кашу. Покушал неплохо, с аппетитом. Чая попил полусладкого, в кружке всего пять кусочков сахара. Выкурил полсигареты, вторую половинку выкурит перед стартом. Перешёл на режим экономии. Больше нечего экономить.

Собрал рюкзак. Котелок с рисом в полиэтиленовый пакет. Аккуратно пристроил наверху всей поклажи. Рис не суп, все будет нормально, это рис ещё требует воды! Сварил в потёмках риса! Ну что, спасибо этому дому, пойдём к другому?! К другому дому идти не надо, дом с собой, он на плечах, за спиной. Ну что, вздрогнули! Вот это по-нашему!

* * *

Пошел поймой, роса обильная, бодульё стоит частоколом. Вышел на речку, не понял. Вода почти прозрачная. Немножко подумал и всё понял. Позавчера всю ночь шёл хороший дождь, вода подскочила во всех реках. На Найбе в тех местах, где валяются пористые, оранжевые булыжники, есть глина, много глины. Вода поднялась до глиняных пластов, пошла муть. Двадцать шесть лет тому назад, во второй половине июня, с Тигренка упали в Найбу. Все реки чистые, вода прозрачная, Найба мутная, сильно мутная. Вот оттуда муть и несёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.